

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 974-987
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.974

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Towards Commercial Butter Production: Bureaucratic Flexibility and Kazakh Trainees at the Edimonovo Dairy School in the 1890s

Elmira T. Teleuova ^{a,*}, Zhanat B. Kundakbayeva ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article analyzes the mechanisms of economic integration of the Steppe Region into the all-imperial market space on the basis of administrative records of the Ministry of Agriculture of the Russian Empire (Russian State Historical Archive). The study is built around a single case: an example of unexpectedly attentive and personalized care shown by state officials toward the individual needs of Kazakh trainees at the Edimonovo School of Dairy Farming in Tver Province. The authorities not only provided them with scholarships to study cheese and butter production in one of the “centers of Russia’s agrarian modernization,” but also allocated additional funds for their meals. As a result, the Kazakhs were fed according to their traditions for an entire year. This instrumental case of bureaucratic situational flexibility is used not for descriptive purposes, but to revise the generalizations of previous historiography. Moreover, the study situates the Steppe Region within a broader context – the project of agricultural modernization and overcoming the agrarian crisis of the late nineteenth century. The article argues that, in pursuing its strategic goals, the imperial bureaucracy assigned agricultural education the status of a key mechanism of modernization and demonstrated situational flexibility in adapting to local conditions. The overarching objective was to integrate Siberian livestock breeding (with the Steppe Region as part of the Siberian periphery) into the all-Russian market, introduce intensive methods, establish commercial animal husbandry, and incorporate this remote region into the imperial economic space. The study contributes to the historiography of empires by shifting the focus from the simplified dichotomy of “exploitation versus civilizing mission” toward a more complex model of pragmatic investment aimed at enhancing the economic efficiency of peripheral regions. Finally, the article contributes to debates on the flexibility and adaptability of imperial governance.

Keywords: Russian Empire, the Steppe Region as part of the Siberian province, all-imperial economic space, situational flexibility of bureaucracy, commercial butter production.

1. Введение

В ноябре 1889 г. Н.В. Верещагин, директор Едимоновской школы молочного хозяйства обратился в Департамент Земледелия и сельской промышленности с необычным обращением. Он просил в дополнение к уже выделенной стипендии добавить средства на индивидуальное питание для четырех казахов-стажеров. Необходимость этой меры он обосновал тем, что казахи «отказывались от наших щей и каш и даже черного хлеба», будучи привычными «к исключительно мясной пище» (РГИА. Ф. 398. Оп. 531. Разряд I. Д. 17495. Л. 90б.). В итоге, после четырехмесячной переписки между Департаментом, Степным генерал-губернатором и директором Едимоновской школы дополнительная сумма была выделена и в течение года казахи питались по специальному рациону. Данный пример представляет собой интересный случай для изучения имперских практик реализации экономических проектов модернизации скотоводства в периферийных регионах России.

* Corresponding author

E-mail addresses: elmiradesebai@gmail.com (E. Teleuova), zhkundakbayeva@gmail.com (Z. Kundakbayeva)

А проект заключался в том, что в конце XIX в., в условиях нарастающего аграрного кризиса, Россия стала рассматривать скотоводство Степного края и Сибири как потенциальный ресурс стратегического значения, способный насытить как внутренний, так и мировой рынок. Тем более что к этому времени строилась Сибирская железная дорога, которая сделала масштабный проект по развитию товарного животноводства в отдаленном регионе экономически оправданным.

В данной статье исследуются механизмы экономической интеграции Степного края в общеимперское рыночное пространство на примере модернизации скотоводства. Кейс отправки четырех казахских стажеров в Едимоновскую школу сыроварения демонстрирует конкретный механизм такой интеграции, где образовательные практики выступают инструментом экономического вовлечения региона. При этом проявленная бюрократией ситуативная гибкость и внимание к индивидуальным нуждам казахских учащихся являются ярким примером репертуаров власти на окраинах.

Изучение инструментов и стратегий имперской власти по включению окраин в единое экономическое пространство представляется важным, поскольку позволяет увидеть, что экономическая интеграция осуществлялась через сложное сочетание экономических стимулов, образовательных программ и административной гибкости. Такой подход усложняет понимание имперской модернизации: она предстает не как односторонний процесс навязывания, а как результат взаимной адаптации. Имперские структуры приспосабливались к локальным условиям, культурным различиям и хозяйственным практикам, а не просто навязывали унифицированные модели. Периферийные общества, в свою очередь, активно влияли на способы реализации имперских проектов – через хозяйственные практики, культурные нормы, повседневное сопротивление или сотрудничество.

Анализ данного кейса показывает, что экономические и социальные преобразования зависели не только от идеологий и нормативных проектов, но и от повседневных административных практик, дополнительных инвестиций и готовности идти на издержки. В результате, империя предстает не столько пространством принуждения или «цивилизаторской миссии», сколько динамичной системой управления, где модернизация являлась результатом постоянного согласования между стратегической целью и возможностями ее реализации на местах. Постановка вопроса о модернизации скотоводства с целью вовлечения региона в общеимперское экономическое пространство, проявленная при этом ситуативная гибкость бюрократии и придание образованию статуса ключевого механизма модернизации заставляют еще раз задуматься о неоднозначности имперских модернизационных проектов.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили делопроизводственные документы Министерства земледелия Российской империи (в разное время оно существовало под разными названиями: Министерство государственных имуществ, Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление землеустройства и земледелия). В настоящее время они хранятся в пятнадцати фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Основными функциями Министерства после крестьянской реформы стали поощрение сельского хозяйства и распространение сельскохозяйственных знаний. В 1890-е годы Министерство активно включилось в процесс реформирования сельского хозяйства. Ценные документы о преобразованиях в области скотоводства в Степном крае обнаружены в фонде Департамента земледелия (в изучаемый период – Департамент земледелия и сельской промышленности, 1866–1894). Поскольку данный департамент ведал «усовершенствованием сельского хозяйства», распространением передового опыта и поощрением различных его отраслей, а также открытием сельскохозяйственных учебных заведений и образцовых хозяйств, документы фонда дают целостное представление об этих процессах. Они позволяют проследить основные направления государственной политики в аграрной сфере. Эти материалы свидетельствуют о том, что Степной край был включен в общеимперский проект аграрной модернизации.

Следует отметить, что в статье представлены разные виды делопроизводственной документации, каждый из которых требует отдельного внимания. Самую большую группу делопроизводственных документов в данном исследовании составляет служебная переписка. В частности, переписка между Степным генерал-губернатором, министром государственных имуществ, Департаментом земледелия и сельской промышленности и заведующим Едимоновской школой молочного хозяйства Н.В. Верещагиным стала основой для анализа кейса в статье. Также в материалах фонда Департамента земледелия обнаружена переписка между различными ведомствами о ходе реализации проекта по улучшению животноводства в Акмолинской области. Эти документы позволяют увидеть, что Степной край был включен в проект создания товарного животноводства в Сибири, в том числе благодаря помете императора на полях всеподданнейшего отчета военного губернатора Акмолинской области. Они также дают возможность проследить некоторые итоги преобразований к 1904 г.

В данном фонде представлена и другая разновидность делопроизводственных документов – отчеты. В частности, интерес представляют отчеты агрономов Семипалатинской области за 1912 г.

Раздел отчета «Молочное хозяйство» позволяет подвести некоторые итоги становления товарного маслоделия. В нем содержатся ценные данные об экспорте сливочного масла, статистические сведения о маслодельных предприятиях, описание работы крупных производств, их технической оснащенности, а также проблем и путей их решения. Отчет показывает, что проект развития товарного маслоделия в Степном крае носил системный характер, поскольку в этот период уделялось внимание и рассадникам скота, и случным пунктам, и технической оснащенности маслодельных предприятий, а также перспективам развития артельной формы маслоделия. Представляет интерес и отчет, обнаруженный в фонде Канцелярии министра земледелия (ф. 381, РГИА). Это записка министра земледелия и государственных имуществ на имя Е. И. В. о реализации проекта по улучшению скотоводства в Степном крае. Ценность документа заключается в том, что он показывает: проекту изначально придавалось государственное значение. Правительство не жалело финансовых вложений. С самого начала он носил продуманный характер и начинался с организации экспедиций для обследования скотоводства в Степном крае.

Кроме делопроизводственных документов, в статье использованы всеподданнейшие отчеты степных генерал-губернаторов. Как отмечают современные исследователи, хотя достоверность статистических сведений в них вызывает вопросы, тем не менее, они позволяют проследить основные направления развития хозяйства. Кроме того, в отчетах, хранящихся в фондах РГИА, представляют интерес пометы на полях и гриф «совершенно секретно». Они позволяют увидеть, как функционировала система управления окраинами. Отчеты служили важным каналом информации и свидетельствовали о прямой связи руководителей окраин с центральной властью. В то же время руководители выражали интересы вверенного им края.

И, наконец, в источниковую базу статьи включены обзоры губерний и областей Российской империи – приложения к ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов. Эти документы имели единую структуру и содержали систематические сведения о населении и хозяйстве. Поэтому их стандартизованность и массовость позволяют проследить изменения в скотоводстве в динамике. Таким образом, документы, отложившиеся в РГИА, служат репрезентативной базой для обоснования тезиса статьи.

Что касается методов исследования, в основе статьи лежит исключительный случай. В 1890 г. в результате длительной межведомственной переписки четверем казахам, направленным на обучение в Едимоновскую школу молочного хозяйства, к уже выделенной стипендии была добавлена дополнительная сумма на индивидуальное питание. Мотивом данного решения стало стремление предотвратить психологический и физиологический дискомфорт у учащихся, которые отказывались от принятого в школе русского рациона. Это поистине уникальный случай, способный вызвать «легкое недоумение» своим «откровенно революционным характером, бросающим вызов существующему порядку вещей» (Gillham, 2000: 103). Поэтому данный эпизод определил методологический дизайн статьи. Исследование представляет собой кейс-стади с одним кейсом, при этом основным методом выступает инструментальный кейс-стади (instrumental case study) в трактовке Р. Стейка (Stake, 2003: 137-138). Выбор кейс-стади как метода зависит от того, что именно стремится выяснить исследователь и на какие вопросы он намерен получить ответы. Рейс также указывает, что достоинства конкретного метода определяются тем, насколько он является наиболее адекватным способом решения стоящей перед исследователем научной проблемы. Случай заботы о психоэмоциональном состоянии казахов в период их обучения в Едимоновской школе используется в статье не ради описания, а для пересмотра обобщений, широко распространенных в предыдущей историографии. Эти обобщения сводятся, с одной стороны, к представлению о том, что Российская империя в пореформенный период рассматривала Казахстан исключительно как источник сырья и рынок сбыта, осуществляя экономическую эксплуатацию и переселение русских крестьян, а с другой – к интерпретациям, согласно которым империя модернизировала окраины, неся туда цивилизацию и прогресс. Кроме того, рассматриваемый эпизод демонстрирует, что в практиках управления экономические расчеты сочетались с компромиссами: исполнение директив центральных органов наталкивалось на ограничения и преграды на местном уровне. Это позволяет уточнить современные теоретические представления о репертуарах власти. В реальности стратегическая цель модернизации окраин реализовывалась через ситуативную гибкость бюрократии, что позволяет рассматривать имперскую политику не как застывшую систему принуждения, а как гибкий набор методов. Детальное рассмотрение этого случая выявляет препятствия на пути реализации российского модернизационного проекта и обогащает представление о способах интеграции периферийных территорий в экономическое пространство империи. Вместе с тем, необходимо учитывать ограничения метода кейс-стади. Многие исследователи подчеркивают, что на основе одного и даже нескольких кейсов невозможно делать широкие обобщения (Yin, 2009). Действительно, инструментальный кейс-стади несет в себе риск чрезмерной генерализации: случай с казахскими стажерами не отражает типичную практику имперского управления, а является исключительным эпизодом. Однако именно исключительность случая делает его эвристически ценным – он обнажает потенциал гибкости бюрократической системы и границы возможного в имперской политике. Кроме того, рассматриваемый случай позволяет конкретизировать и дополнить концепцию «репертуаров

власти» Дж. Бурбанка и Ф. Купера применительно к практикам экономической модернизации на имперских окраинах. Если Бурбанк и Купер показывают множественность стратегий управления на макроуровне, то рассматриваемый кейс раскрывает ситуативную гибкость бюрократических практик на микроуровне. Внимание к индивидуальным нуждам казахских стажеров демонстрирует, что репертуар власти включал не только институциональные формы управления, но и отступления от правил. При реализации масштабных проектов экономическая целесообразность (подготовка специалистов) требовала учета культурных особенностей подданных. Тем самым кейс проблематизирует представление о модернизации как линейном процессе унификации и выявляет внутреннее напряжение между стратегической целью экономической интеграции региона и тактической необходимостью адаптации к местным условиям. Это позволяет увидеть имперскую власть не как выбор между принуждением и компромиссом, а как постоянное балансирование между ними в зависимости от конкретной ситуации, ресурсов и приоритетов момента. Таким образом, нетипичность случая, невозможность делать широкие обобщения на его основе компенсируются глубоким пониманием изучаемого феномена – освоения периферийного региона, вовлечение его в общеимперское пространство, использование его потенциальных возможностей при повышении эффективности скотоводства.

3. Обсуждение

В изучении трансформации хозяйственной жизни казахов к концу XIX – началу XX в. можно выделить несколько направлений, каждое из которых высвечивает отдельные аспекты этого сложного процесса. Первое направление изучает изменения в сельском хозяйстве в результате переселения русских крестьян/аграрной колонизации. При этом, исследователи считают, что результатом взаимодействия имперских практик управления, переселения и кочевого скотоводства стал постепенный переход казахов к оседлости (Быков, 2023) и формирование смешанных скотоводческо-земледельческих форм хозяйства (Фризен, 2020). Вместе с тем, оценки влияния переселений на местное хозяйство разнятся. Одни авторы подчеркивают положительное «влияние переселений на экономику казахского кочевого аула» (Сорока, 2009), другие акцентируют внимание на обострении земельных конфликтов и росте социальной напряженности между крестьянами-переселенцами, казаками и «коренным инородческим населением» Степного края (Токмурзаев, 2016). В то же время экономический аспект изменений представлен упрощенно или слишком обобщенно. Так, например, Дерюгина считает, что итогом взаимодействия стало формирование двух относительно автономных хозяйственных сектора по этническому признаку – земледелия русских крестьян-переселенцев и кочевого скотоводства казахов (Дерюгина, 2020). А Фризен, по существу, повторяет тезисы советской науки о том, что «казахское население приспособлялось к меняющимся условиям, развивало земледелие и активнее вовлекалось в торговые и трудовые взаимодействия с российским населением» (Фризен, 2020). Можно сказать, что изучение изменений в хозяйстве казахов только под воздействием одного фактора – переселения русских крестьян, является ограниченным подходом. Рассматривая период конца XIX в. нельзя не учитывать более широкий контекст имперской аграрной политики и ее модернизационные цели.

Второй круг работ связан с проблемами модернизации аграрного сектора и сельскохозяйственным образованием как инструментом модернизации. Здесь следует выделить работы, в которых изучался аграрный кризис в России. Ученые сделали вывод о нарастании кризиса на фоне социальных преобразований, мирового падения цен на сельхозпродукцию, демографического давления и институциональных ограничений крестьянского хозяйства (Китанина, 2012; Гаврилов, 2017: 186-198; Есикова, 2013; Беспалов, 2012; Берснева, 2015; Зеленская, 2015). Так, Китанина считала, что низкое качество сельскохозяйственной продукции и архаичные методы ведения крестьянского хозяйства сделали вопрос обновления аграрной сферы стратегически значимым для государства. Основными направлениями модернизации аграрного сектора стали, по ее мнению, «структурная перестройка управленческого аппарата, стабилизация аграрного рынка, поднятие общего потенциала сельского хозяйства и восстановление экспортных возможностей страны» (Китанина, 2012: 184-202). Постикэ считал, что самой главной преградой для экспорта продукции было ее низкое качество. Поэтому для повышения качества и повышения эффективности сельского хозяйства ученые разрабатывают новые методы ведения хозяйства и испытывают их на образцовых хозяйствах. По его мнению, произошла институционализация аграрной науки, что стало в дальнейшем фундаментом для системы сельскохозяйственного образования (Постикэ, 2023: 163). Третьяков показывает, что в России возникла система сельскохозяйственного образования в рамках проекта модернизации. Несмотря на внутренние противоречия она способствовала подготовке профессиональных кадров, формированию сельскохозяйственной элиты и трансформации ментальности (Третьяков, 2015: 110). В работах М. Д. Книги сельскохозяйственное просвещение рассматривается как ответ на кризис аграрного производства и вызовы модернизации пореформенной России, связанный с распространением рационального знания и развитием институциональных форм подготовки кадров. Автор показывает формирование многоуровневой системы аграрного образования, включавшей учебные хозяйства, низшие школы, внешкольное обучение и профессиональные учреждения, а также переход от патерналистской модели к более

системной государственной политике «агрономической помощи». Особое внимание уделяется взаимодействию науки, государства и крестьянской среды, необходимости адаптации научных знаний к местным условиям и роли аграрного просвещения в повышении хозяйственной культуры. В целом исследования Книги обосновывают ключевое значение сельскохозяйственного образования как фактора профессионализации аграрного сектора и устойчивости модернизационных процессов в Российской империи (Книга, 2018; Книга, Быковская, 2021; Книга, Фурсов, 2017: 116-117). Среди этих работ, следует особо выделить исследования, посвященные «феномену Н.В. Верещагина» – «основателя новой отрасли российской экономики – маслоделия и сырной промышленности» (Николаев, 2016; Воробьев, 2019; Петриков, Вощикова, 2023: 386) и о развитии сибирского маслоделия. Николаев провел системный анализ ключевых факторов успеха маслоделия в Сибири в начале XX века (Николаев, 2016). Так, к предпосылкам становления товарного маслоделия Николаев отнес: биоклиматические условия, введение в строй Транссиба, протекционистскую государственную политику (включая Челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг., финансирование инструкторов, строительство вагонов-холодильников, контроль качества), использование импортных сепараторов, а также развитие молочной кооперации при поддержке крестьянских общин. В результате к 1909–1913 годам Сибирь экспортировала 62,1 тыс. тонн масла ежегодно (16 % мирового и 60 % российского экспорта), превратившись в одного из крупнейших мировых поставщиков этого продукта (Николаев, 2016). К сожалению, анализируя развитие товарного маслоделия в Сибири, Николаев не затрагивает маслоделие в Степном крае, хотя в статистике экспорта масла учитываются и данные из казахской степи. Есть статьи касательно сельскохозяйственного образования в Степном крае (Рыгалова, 2020; Гасанова, 2024). Они связывают формирование сети сельскохозяйственных учебных заведений в Степном крае и Туркестане с модернизацией окраин, и считают, что они выполняли важную роль в подготовке кадров и распространении практических аграрных знаний.

Завершая историографический обзор развития сельского хозяйства в Степном крае в конце века, следует отметить, что требуются исследования, которые бы вписывали историю региона в более широкий контекст имперского проекта модернизации сельского хозяйства и преодоления общероссийского аграрного кризиса. Кроме того, современные исследователи зачастую игнорируют тот факт, что в имперской географии и административной практике Степной край не отделялся от сибирской окраины. Это создает искусственный разрыв в понимании модернизационных процессов в азиатских владениях России. Наконец, исследователи рассматривают Степной край только как на потенциальную территорию для переселения русских крестьян. На скотоводство казахов смотрят только с точки зрения его деградации. На экономический потенциал региона смотрели только с точки зрения источника сырья. Данная статья предлагает иную оптику. Документы свидетельствуют о том, что самые высокие правительственные круги смотрели на скотоводство казахов с точки зрения его большого потенциала для развития товарного производства здесь. На экономический потенциал Степного региона смотрели с точки зрения полноценного участника модернизационного проекта, но рассматривали его как часть сибирской окраины.

Подводя итоги, можно сказать, что исследование вносит вклад в историографию империй в нескольких направлениях. Во-первых, усложняет устоявшееся представление о Казахстане исключительно как об источнике сырья. Случай с дополнительными расходами на индивидуальное питание казахов в Едимоновской школе рассматривается в контексте масштабного проекта освоения периферийных регионов. Он включал в себя строительство железных дорог и модернизацию сельского хозяйства через внедрение интенсивных методов хозяйствования, повышение качества продукции и развитие товарности. Речь шла не просто об увеличении объемов экспорта, а о системной трансформации хозяйствования на окраинах. Россия вкладывала значительные ресурсы в долгосрочную стратегию экономической интеграции периферии, которая не сводилась к примитивной эксплуатации. Таким образом, исследование смещает акцент с упрощенной дихотомии «эксплуатация vs. цивилизаторская миссия» к более сложной модели прагматичного инвестирования в повышение экономической эффективности империи в целом. Во-вторых, статья вносит вклад в дебаты о гибкости и адаптивности имперского управления. Развивая концепцию Дж. Бурбанк и Ф. Купер, исследование показывает, что ситуативная гибкость проявлялась и на уровне повседневных бюрократических практик. Имперская власть представляла собой не застывшую систему директив, спускаемых сверху, а процесс постоянных переговоров между центром и периферией. Данная статья обогащает наши представления о том, как на практике функционировала имперская система управления периферийными территориями.

4. Результаты

20 июня 1889 г. степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский обратился к министру государственных имуществ Н.М. Островскому с просьбой предоставить четыре стипендии для жителей Степного края для обучения в Едимоновской школе сыроварения (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 2). С этого момента, с июня по декабрь 1889 г. началась интенсивная межведомственная переписка между степным генерал-губернатором, Департаментом земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ и заведующим Едимоновской

школой молочного хозяйства Н.В. Верещагиным. Формально вопрос о стипендиях был решен довольно быстро. Уже 11 сентября 1889 г. Департамент земледелия и сельской промышленности уведомил заведующего школой Верещагина о том, что четыре стипендии для обучения казахов одобрены (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 8). Однако, как следует из письма Верещагина, казахские стажеры прибыли в Едимоново лишь 12 декабря 1889 г., то есть спустя четыре месяца после официального одобрения стипендий. Причина этой задержки оказалась ошеломляюще неожиданной: все четыре месяца стороны вели напряженную переписку о выделении дополнительных средств на индивидуальное питание казахов-стажеров.

Дело было в том, что 15 ноября 1889 г. заведующий школой Верещагин обратился в Департамент с просьбой о выделении дополнительных средств на организацию индивидуального питания для стажеров казахов. Свою просьбу он обосновал так: «вопрос о прокормлении киргизов как оказалось усложнен тем обстоятельством, что они привыкли существовать исключительно на мясной пище, что и не затруднительно в степях, где, по их словам, пуд мяса обходится в шестьдесят копеек, а баранина еще дешевле. Далее они совсем отказываются не только от наших щей и каш, но черного хлеба. Пуд белой муки в их местах стоит шестьдесят копеек. Принуждать их есть нашу пищу не считаю возможным. Могут заболеть, затем за скучают по родине и не будем знать куда с ними деваться. Лучше, хотя на первое время содержать их так, как они привыкли питаться дома. Такое содержание стоит 13 руб. в месяц. Далее у киргиз нет некоторых вещей из одежды, а она необходима для сохранения их здоровья. Для четырех человек принадлежности туалета на 156 руб. Содержание киргиз обошлось бы дешевле, если бы начали кормить кониной, но, во-первых, никто не берется для них готовить, во-вторых, насмешек тогда будет немало, ибо со всех сторон все будут их считать погаными. Генерал Колпаковский просил оберечь их от насмешек на чужой стороны, так как они легко выводят дикарей из себя и во всяком случае тяжело отзовутся на их душевном настроении мешая им учиться» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 90б.). Итог четырех месячной переписки подводит Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства Государственных имуществ. Представитель Департамента 18 декабря 1889 г. сообщает Верещагину, что «товарищ Министра назначил в текущем году на содержание 4 учеников киргиз сто четыре руб. В будущем году они будут жить на стипендию по сто руб. в год. Выдавать им на руки и сами себе готовить пищу из конины» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 11, 110б., 13).

Чтобы понять, насколько была увеличена сумма на содержание казахов стажеров следует обратиться к описанию столовой Едимоновской школы, оставленной публицистом и экономистом С.Ф. Шараповым. По словам Шарапова дежурный по кухне на вопрос: «почем обошлась пища на ученика» сообщил: «месячный расход колеблется между 6-ю и 8-ю рублями, а ему удалось опустить эту цифру до 5 р. 80 к. на человека. При этом ученик получает мясной обед в два блюда, хлеб и молока, сколько выпьет. Стол – отличный: простой и вкусный. Про масло нечего и говорить. Такого масла не видят в столицах и многие тайные советники» (Шарапов, 1893). Получается, что сумма в 13 рублей, выделенная на питание казахов почти в два раза превышала сумму на питание в школе. Кроме того, из слов Шарапова следует, что желающих учиться было значительно больше, чем выделялось стипендий («всего 20 по 100 р.»), поэтому многие обучались за свой счет. По словам Верещагина, «у некоторых совсем ничего нет, ну, кормятся как-нибудь» (Шарапов, 1893). В этих условиях, концентрация административного ресурса на потребностях четырех учеников выглядит просто поразительной. Директор школы лично занимается вопросами их питания (не настаивает на русском рационе, соглашается на затратное мясное меню), одежды (закупает им одежду) и психологического комфорта (заботится и о благоприятном климате вокруг них). Генерал Колпаковский уделяет им столько внимания, что даже просит защитить их от насмешек, выделяет деньги на проезд и поддерживает их специальный рацион питания. Департамент Земледелия сначала изыскивает четыре стипендии. Впоследствии находит дополнительные средства и тратит много времени на переписку со всеми. Несомненно, данный случай является ярким примером инвестиции внимания и административной энергии. В то же время, эпизод показывает, что модернизация для народов окраин – это не просто приобретение новых знаний и навыков. Это комплексная трансформация личности. Она затрагивает и тело (питание, одежда), и психику (адаптация к чужой среде, преодоление тоски), и экономические практики (переход от степного хозяйства к городской жизни). Но сам факт того, что уделяется столько внимания, тратятся ресурсы и время для обучения всего четырех человек, показывает сложность и неоднозначность политики центра в отношении народов окраин. Сложности и неоднозначности, которые выходят далеко за рамки принятых в историографии бинарных оппозиций «свой/чужой», «черное/белое», «колонизатор/ колонизированный».

Итак, представители разных уровней власти проявили внимание к индивидуальным нуждам казахов стажеров для обучения в Едимоновской школе. Чтобы понять мотивы такой лояльности, следует обратиться к контексту экономического развития России в конце века. Как отмечают многие исследователи, в этот период Россия столкнулась с нарастающим аграрным кризисом (Гаврилов, 2017; Китанина, 2017). Поэтому к концу века в обществе и государственных кругах утвердилось четкое понимание, что выход из кризиса возможен лишь через модернизацию сельского хозяйства (Китанина 2012: 184-202). На первый план выдвигаются такие вопросы как повышение

эффективности и доходности скотоводства, обеспечение населения продуктами животноводства. В этой связи правительство придает особое значение освоению периферийных регионов, прежде всего Сибири. Следует отметить, что с официальной точки зрения большая часть территории Казахстана, за исключением Юго-Восточного (Семиречье) и Южного, считали частью сибирской окраины России. Так, в книге «Окраины России» Сибирь условно делили на пять областей: Западную/Обско-Иртышскую, Среднюю/Енисейско-Ангарскую, Ленскую/Якутскую, Амурскую/Приморскую окраины и Степную/Киргизскую окраину. По географическим параметрам пространство Сибири делят на полярную зону, южно-сибирскую и степную киргизскую зону, по характеру своей природы с незапамятных времен служившей областью распространения среднеазиатских кочевых племен (Окраины России..., 1900: 6). И в брошюре о Сибирской железной дороге четыре области Казахстана (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская) рассматривались как часть сибирской окраины и считались частью Западной Сибири. Это была официальная точка зрения. Называть казахов и татар, жителей этих мест – «аборигенами и инородческими племенами Сибири» (Великая Сибирская..., 1901: 1, 6; Семенов, 1900: 114-118). Итак, в имперской географии Степной край рассматривали как часть Сибири, а скотоводство казахов не как локальную хозяйственную практику, а стратегический ресурс имперского значения. Поэтому к концу XIX века Степной край вновь привлек к себе внимание центрального правительства. На этот раз предметом особой заботы становится развитие скотоводства в регионе. В этом немалую роль сыграли донесения и отчеты представителей местной власти, которые подчеркивали ведущую роль скотоводства в хозяйстве казахов и его высоком потенциале развития. Одним из первых, кто настоятельно просил обратить внимание на огромный потенциал скотоводства здесь был Управляющий Государственными имуществами Тобольской губернии. В своей записке на имя министра земледелия и государственных имуществ он настаивал на необходимости коренной перестройки скотоводства в Сибири: заботы правительства должны быть направлены, прежде всего, на те стороны местного сельского хозяйства, которые могли бы способствовать улучшению скотоводства «во всех его видах» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 1). Он объяснял свою позицию тем, что скотоводство является «преимущественным занятием населения Западной Сибири и для большей части его – главным источником существования», а на рынке спрос на продукты животноводства имеет устойчивую тенденцию к росту (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 40б.–5). Более того, в условиях низкой доходности сельского хозяйства, кризиса земледелия, падения цен на хлеб и утраты позиций на мировых рынках автор записки настаивал на необходимости расширения рынков сбыта и развития переработки продукции крупного скотоводства и овцеводства. Он сетовал на то, что состояние сибирского рогатого скота оценивалось им как крайне неудовлетворительное: скот содержится «крайне небрежно», в открытых загонах, не очищаемых в течение длительного зимнего периода, без защиты от сильных морозов; скрещивание не контролируется. В результате рогатый скот отличается низкой продуктивностью, масло вырабатывается несовершенными способами и потому имеет низкую цену, тогда как сыроварение фактически отсутствует. Основными предметами вывоза остаются сало, кожи и живой скот (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 3). Таким образом, записка управляющего Государственными имуществами Тобольской губернии отражает характерное для конца XIX в. представление центральной администрации о Степном крае и Сибири как о пространстве с выраженной скотоводческой специализацией и одновременно – слабо интегрированном в современные рыночные и перерабатывающие структуры. Диагноз кризисного состояния скотоводства сочетался с признанием его стратегического значения. Плохие условия содержания скота – холод, антисанитария, отсутствие ухода – описывались не как неизбежные следствия природной среды, а как результат неправильной организации хозяйства. Тем самым он переводит проблему в плоскость управляемых практик. Аналогичным образом отсутствие контроля за скрещиванием интерпретировалось как дефицит рационального надзора, требующий административного и экспертного вмешательства. Неразвитость переработки, прежде всего фактическое отсутствие сыроварения, обозначалась как структурный изъян, препятствующий превращению скотоводства в устойчивый источник дохода. Высокий потенциал скотоводства в Степном крае видел также и Акмолинский губернатор. В своем отчете за 1894 г. он подчеркивал, что «скотоводство имеет значительный потенциал для развития и способно удовлетворить спрос Приуралья, прежде всего горнозаводских районов, а также Центральной России, включая Казань, Нижний Новгород и Москву». Более того, он настоятельно просит чтобы, «Киргизское скотоводство при этом рассматривалось как предмет особых забот со стороны администрации, направленных на его улучшение и повышение продуктивности» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 29). Аналогичного взгляда придерживался и Степной генерал-губернатор. В своей записке М.А. Таубе предлагал рассматривать «поднятие на более высокую ступеньку» коневодства и скотоводства в Степном крае «делом государственной важности». Он считал, что «с проведением Сибирской железной дороги, а в перспективе – с сооружением железнодорожной линии через степь в направлении Туркестана данные отрасли, должны были приобрести особое торгово-промышленное значение благодаря возможности экспорта лошадей, скота и продукции скотоводства на рынки Европейской России» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I.

Д. 19917. Л. 270б.). В конце концов, центральное правительство начинает уделять внимание Степному краю не только с точки зрения переселения русских крестьян, но и перспектив развития товарного скотоводства. Особенно этот интерес усилился в связи со строительством Сибирской железной дороги. Так, например, в 1896 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую область была отправлена экспедиция, главной целью которой было выяснить, сколько есть земель для дальнейшего переселения русских крестьян (РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 156. Л. 300). Но руководителю экспедиции Снегиреву было сделано отдельное предписание: «попутно» собрать сведения о состоянии скотоводства в Акмолинской области (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 170б.). При этом, было дано указание ответить на следующие вопросы: «с какого вида животных следует безотлагательно начинать дело улучшения, в каких именно пунктах, какими способами и при каком участии местного населения и правительства» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 19). Таким образом, ясно, что результаты исследования Снегирева предполагалось использовать для выработки практических мероприятий по развитию и улучшению животноводства в Акмолинской области.

Вопрос о скотоводстве в Степном крае действительно становится делом государственной важности. Об этом говорит пометка «Очевидно», сделанная Императором на полях Всеподданнейшего отчета за 1894 г. военного губернатора Акмолинской области. Пометка была сделана напротив утверждения «при благоприятных местных условиях животноводство могло бы обеспечить благосостояние местного населения и одновременно служить источником поставок рабочих и мясных животных для многих районов Европейской России» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 17; РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 38). И в журнале Комитета министров от 11 февраля 1897 г. было зафиксировано, что необходимо известить военного губернатора Акмолинской области генерал-лейтенанта Санникова, что с его запиской о состоянии животноводства» ознакомился сам Император (Журнал Комитета министров. Заседание VI. 11 февраля 1897 г. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5258. Л. 500б.). Таким образом, к концу XIX века в условиях низкой доходности сельского хозяйства, кризиса земледелия, падения цен на хлеб и утраты позиций на мировых рынках «улучшение скотоводства» в Степном крае становится частью широкомасштабной государственной программы по созданию в Сибири товарного животноводства. При этом расчет делался на развитие экспорта продукции животноводства, способного удовлетворить нужды как внутреннего, так и внешнего рынка.

Необходимо особо отметить, что среди различных мер по модернизации скотоводства, большое место отводилось внедрению научных знаний и рациональных методов ведения хозяйства (Постикэ, 2023: 163; Книга, 2018). Поэтому неудивительно, что первый губернатор Степного края Г.А. Колпаковский особое значение придавал сельскохозяйственному просвещению населения (Гермизеева, 2020: 67). Его усилия в этом направлении признавали даже современники. Так, в газете Акмолинские областные ведомости от 30 января 1890 г.: «создание сельскохозяйственных киргизских школ, как одного из способов развития и улучшения местного сельского хозяйства, можно считать одним из наибольших благодеяний, созданных в Степном крае Г.А. Колпаковским» (Гермизеева, 2020: 67). В действительности, Колпаковский имел довольно четкое представление о перспективах развития скотоводства в Степном крае. Он считал, что поскольку в Степном крае главной отраслью народного хозяйства является скотоводство, и успехи земледелия, за исключением Семиречья, остаются крайне незначительными. Поэтому скотоводство на долгие годы будет основным источником дохода как для кочевого населения края, так и частично для казаков Сибирского казачьего войска. Но его заботило незнание киргизами и казаками систематических знаний по скотоводству и особенно по переработке сельскохозяйственной продукции. Так, еще в 1884 г. Колпаковский писал: «Для распространения в вверенном мне крае рациональных способов ведения хозяйства через научно подготовленных к тому людей предполагается образовать специальные учебные заведения, с преобразованием существующих в каждом уезде Акмолинской и Семипалатинской областей киргизских мужских и женских училищ, именуемых «интернатами» – первых в сельскохозяйственные, а вторых в профессиональные школы на основании уставов, примененных к местным условиям и к особенностям кочевого сословия, для которого главным образом и принимается эта мера» (Гермизеева, 2020: 67). Но Колпаковский четко осознавал, что уровень этих заведений отстает от Едимоновской школы. В своем прошении о выделении четырех стипендий для обучения молочному делу в Едимоновской школе, Колпаковский дал оценку созданным им в каждом уезде киргизским сельскохозяйственным школам: «в курс преподавания которых включены понятия об уходе за скотом и пользовании его продуктами. Но эти школы могут давать по этим вопросам самые элементарные знания. Между тем, умение готовить молочные продукты и основательные сведения по сыроварению могли бы принести громадную пользу хозяйствам как киргизов, так и казаков» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 2). Исходя из вышесказанного, становится понятной заинтересованность всех в обучении четырех казахов передовым методам обработки молочных продуктов в Едимоновской школе молочного хозяйства – образцового очага аграрной модернизации (Шарапов, 1893: 43).

Чему же научились четыре стажера казаха в Едимоновской школе? В январе 1891 г., то есть через два года после прибытия казахов в Едимоновскую школу, Н.В. Верещагин известил Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства Государственных имуществ о

том, что в его школе обучались киргизы: Айбатов – скотоводству, маслоделию, французским сырам и бакштейну. Мусин – скотоводству, маслоделию, швейцарскому сыру. Ознобаев скотоводству, маслоделию французским сырам и бакштейну. К концу года находящиеся в школе киргизы стали сильно скучать по родине и заболеть. В первое время пребывания в школе я улучшил их пищу, на что были даны добавочные средства от Департамента. Но далее Степной генерал-губернатор отказался добавлять деньги, указывая на конину, которой можно было бы кормить киргиз дешево. Но местная конина совсем не такая. Достать мясо конины, которую согласны были есть киргизы было нельзя. Пришлось перевести их на обыкновенную пищу, которой питались ученики. У них появились боли в желудке и груди (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 19). «Вынужден был отправить трех киргиз на родину, четвертый же Ознобаев остался в Москве для принятия православия. Киргизы благополучно прибыли домой, для применения своих знаний на сыроварню Фетисова близ Пишкеек Верненского округа. Вообще надо надеяться, что пребыванию киргиз в школе не пройдет бесследно для киргизского населения империи», – писал Верещагин (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 190б.). И, действительно, четырем казахам удалось выучиться в Едимоновской школе молочного хозяйства, которая была не только единственной в России, но и одной из немногих в мире. Поэтому сюда приезжали учиться баварцы, австрийцы, шведы, швейцарцы, турки» (Воробьев, 2019: 28). В чем была ее уникальность? Она была уникальна, потому что была нацелена на получение практических навыков: «учись на деле». Кроме того, четырем стажерам Степного края посчастливилось побывать в самом передовом цехе сыроварения: стерильном и оснащенном новейшим оборудованием, и освоить полностью выверенное с точки зрения технологии производство сыра и сливочного масла. Описание Шараповым обучения швейцарскому сыроварению, «бакштейну и тильзиту» выглядят полностью аутентичными процессами. Это и обучающий мастер – француз. Это и оборудование по последнему слову техники. Это и лучшая закваска. И, наконец, тщательно выверенное производство с отмеренным до грамма количеством молока и закваски, строгим температурным режимом и посекундным отсчетом времени. Каждая ступень производства сыра осуществлялась строго по технологии: и разрезание сгустка молока деревянным мечом, и дробление сырной массы палкой, и взятие пробы с отвердевающей массы, и извлечение сгустка из сыворотки, и процесс прессования сыра. Особенно строго соблюдались швейцарская технология и бактериология при вызревании сыра в подвалах. Шарапов считал, что самым ценным навыком, которому обучались ученики в школе, было лабораторное исследование молока. В лаборатории молоко тщательно исследуют, чтобы вовремя выявить больных коров и фальсификацию, определить содержание жира и сухих веществ, а также подобрать животных и корма для максимальной продуктивности. Эти наблюдения позволяют хозяину управлять производством как машиной, точно зная, во что обошелся каждый фунт масла или сыра (Шарапов, 1893; Воробьев, 2019: 17-18). Еще один важный урок, который усваивали ученики школы: важными условиями успешного сыроварения является не только сам процесс, но все звенья процесса: уход за скотом, правильное кормление, знание основ ветеринарии и чистота везде и во всем. Таким образом, четырем казахам удалось выучиться в центре образцового молочного хозяйства. Они узнали все тонкости усовершенствованных и новейших приемов обработки молока. Кроме всего прочего, сама среда школы была центром нарождающейся молочной промышленности, «откуда по всей России каждый год разъезжались работать десятки мастеров» (Воробьев, 2019: 27). Как отмечают Петриков и Вощикова, важными факторами успеха проекта Верещагина были институциональная поддержка (Петриков, Вощикова, 2023: 390) и сама личность Верещагина. Они считали его родоначальником целой отрасли в России. Для него развитие артельного масло- и сыроделия были системным проектом. Он включал в себя все: от складов артельных сыров и масла в крупных городах, изготовления специальной молочной посуды и оборудования для сыроварения, закупки сепараторов за рубежом, заботу по транспортировке молочной продукции по железным дорогам и создание более выгодных условий ее сбыта за границей до аграрного просвещения (Петриков, Вощикова, 2023: 397). «И венцом его проекта было его детище – школа молочного хозяйства в селе Едимово. Школа до 1898 г. подготовила тысячи первоклассных специалистов. Кроме этого, школа содействовала племенной работе с отечественным скотом через образцовые хозяйства, организовала выставки скота, создавала ссудо-сберегательные товарищества для краткосрочного кредита крестьянам, а также популяризировала передовой опыт ведения молочного хозяйства через публикации (Петриков, Вощикова 2023: 397). Как писал в 1904 г. сам Верещагин Императору Николаю II, ему пришлось: «1) приучить обрабатывать молоко сообща; 2) снабдить надлежащей посудой; 3) ввести у нас выработку всех сортов масла и сыров; 4) организовать их сбыт на внутренних рынках и за границей; 5) ввести контроль и определение качества молока; 6) доказать пригодность русской молочной коровы для переработки усиленных кормов и оплату ею этих кормов и улучшения в уходе; 7) широко распространить все добытые знания в России» (Петриков, Вощикова, 2023: 398). Таким образом, вышеизложенное позволяет понять мотивы всех участников переписки по организации индивидуальных условий для стажеров казахов в Едимоновской школе.

Как уже не раз отмечалось, обучение казахов в этой школе было частью более широкой программы экономической интеграции Степного края. К концу XIX века как центральные, так и местные органы власти видели значительный потенциал скотоводства в Степном крае и четко

осознавали цель – насытить внутренний рынок России продукцией скотоводства из Сибири и Степного края и вывести ее на мировые рынки. Речь шла прежде всего о внедрении методов интенсивного хозяйствования и развитии переработки животноводческой продукции. В задачи данной статьи не входит раскрыть этапы реализации этой задачи. Поэтому здесь заметим, что итоги программы уже стали видны в начале XX века. Так, в обзоре Акмолинской области за 1904 губернатор докладывал, что Акмолинская область удовлетворяет спрос на животноводческую пищу и различные скотоводческие продуктов оседлое население: Горнозаводского района (Приуралья) и более отдаленных центров России (Казань, Нижний Новгород, Москву, Петербург, Остзейскую и Привисленский край) (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 107. Л. 78).

Но в последующем, становится очевидным специализация Степного края на товарном молочном хозяйстве, прежде всего маслоделии. Это произошло в условиях активной разработки проекта товарного маслоделия в Сибири. Степной край, который имперская география рассматривала как часть Сибири, также оказался вовлечен в этот проект. Как уже указывалось ранее, Степной край в имперской географии рассматривали как часть Сибирской окраины. Поэтому успехи становления товарного маслоделия в регионе являлось частью важного проекта России по развитию сибирского маслоделия. Проект был системным. Он включал государственную политику протекционистского характера, направленную на повышение доходности Транссибирской магистрали и формирование региональной специализации сельского хозяйства. Введение в 1896 г. Челябинского тарифного перелома сделало вывоз зерна из Сибири нерентабельным и стимулировало перераспределение хлеба в пользу кормовой базы молочного животноводства, что обеспечивало значительно более высокую доходность по сравнению с хлебной торговлей. Эффективность этой политики усиливалась системой государственной поддержки – сетью инструкторов маслоделия и специализированных школ, которые компенсировали низкий уровень подготовки местных производителей. Строительство железной дороги, внедрение современных технологий переработки и благоприятные природно-климатические условия сделали сибирское масло конкурентоспособным как на внутреннем, так и на европейском рынке (Николаев, 2016: 39-43). К началу XX в. сибирское масло стало одним из ключевых экспортных товаров Российской империи, составляя до 60 % российского вывоза и занимая ведущие позиции в международной торговле. Удельный вес масла в структуре вывоза из Сибири всех сельскохозяйственных продуктов составлял 64,4 % (Николаев, 2016: 38). Важно заметить, что становление товарного маслоделия в Сибири происходило при участии Верещагина. В 1886 г. в Тобольской губернии был открыт первый маслодельный завод с паровым приводом, а уже в 1887 г. хозяйство было признано образцовым и удостоено награды Министерства государственных имуществ. С конца 1890-х гг. артельные маслозаводы демонстрировали высокую экономическую эффективность, что обеспечило быстрый рост производства и включение Сибири в мировой рынок. В рамках сибирской окраины крупным экспортером сливочного масла стал и Степной край. В регионе возникла маслодельная промышленность. Уже в 1910 г. в своем Всеподданнейшем отчете Степной генерал-губернатор торжественно рапортовал, что «развитие сливочного маслоделия идет гигантскими шагами» и что «в Омске есть пятьдесят контор, которые ежегодно отправляют миллион пудов масла» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 923. Л. 130б.). В 1912 г. в Семипалатинской области, по данным испытательной лаборатории молочного хозяйства, за исключением казачьих земель по Иртышу, имелось семьдесят маслодельных заводов (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 92). При этом в одном Усть-Каменогорском уезде было двадцать шесть маслодельных заводов, на которых переработано 123 100 пудов молока, из которого получено 5932 пуда масла (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 92). В 1912 г. для улучшения дела артельных и частных маслодельных заводов ввели в штат техника по молочному делу. В его обязанности входило объезжать заводы, давать указания и советы, а также обучать лучшим приемам маслоделия. Необходимо отметить, что заводы строились и содержались на основе правил Комиссии седьмого агрономического совещания Акмолинской области, в особенности на основе требований технического характера для построек маслодельных заводов (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 930б.). Улучшение дела артельных и частных маслодельных заводов получает институциональную поддержку. Так, к примеру, в 1912 г. в штате имелся техник по молочному делу. Он «объезжал заводы, давал указания и обучал лучшим приемам маслоделия» (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 930б.). Кроме того, было предписано, чтобы открытие и содержание маслодельных заводов в Степной крае велось на основе «стандартов» – «Правил, выработанных Комиссией Седьмого районного агрономического совещания», утвержденных генерал-губернатором и опубликованных в 1912 г. В стандарты входили и «требования технического характера, предъявляемых к постройкам маслодельных заводов». Для того, чтобы они были понятны более широкому кругу, Семипалатинской губернатор велел «Областному инженеру составить образцовый план для постройки маслодельного завода» «для помощи населению при проектировании построек маслодельных заводов» (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 94). Одновременно велась подготовка кадров – маслоделов на пяти низших сельскохозяйственных школах, которые находились в ведении агронома при Степном генерал-губернаторе. Это были пять низших сельскохозяйственных школ: в Усть-Каменогорске, Зайсане, Павлодаре и Каркаралинске (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 94–980б.). Системный проект по

организации товарного маслоделия включал в себя и курсы по показательному кормлению крупного рогатого скота. Кроме собственно курсов, эти пункты проводили регулярно выставки животноводства. К примеру, девять выставок было проведено только в 1913 г. На этих выставках экспонировался скот 698 хозяев, выставлялось 1385 голов скота, из которых 436 были премированы. 112 хозяев получили награды, а 381 – деньгами (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1913. Л. 16–17). Таким образом, к 1913 г. маслодельное дело в Степном крае приобрело характер организованной и регулируемой отрасли, опиравшейся на сеть специалистов, единые технические требования и систему профессионального обучения, а также меры по улучшению пород скота. Итог развития маслоделия к 1913 г. был впечатляющим. На основе сведений присяжного маклера при Семипалатинской бирже за январь–октябрь 1912 г. через Семипалатинск прошло 300 тысяч пудов масла (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 910б.). Как указано во Всеподданнейшем отчете Степного генерал-губернатора за 1913 г., «маслодельная промышленность так интенсивно развивается, что вывоз масла за последние 13 лет вырос в семь раз. В 1900 г. из Степного края вывезено 230 тыс. пудов масла, то в 1913 г. – 1 млн 700 тыс. пудов. Благодаря все возрастающему вывозу маслоделие в крае получает государственное значение и имеет впереди громадную будущность» (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1080. Л. 130б.). Еще одним доказательством товарного маслоделия как развитой отрасли является участие представителей Степного края в съезде маслоделов и экспортеров масла в сфере сбыта сибирского масла. Деятельность съездов, где обсуждались основные вопросы производства и продажи сливочного масла 1907, 1909, 1911, 1913 г. рассмотрела А. Бикина (Бикина, 2014: 350-355). В РГИА обнаружены протоколы совещания маслоэкспортеров Сибири. Нас интересует, как представлен Степной край в экспорте сибирского масла. К примеру, в 1911 г. от Степного края в работе съезда участвовал агроном при Степном Генерал-Губернаторе Титулярный советник Христианович (РГИА. Ф. 32. Оп. 9. Д. 225. Б/л.). Губернатор Акмолинской губернии 17 января 1911 выступил инициатором, чтобы Омский биржевой комитет предложил маслоэкспортерам принять участие в расходах города по принятию предупредительных противочумных мер, ассигнованием посильных средств (РГИА Ф. 23. Оп. 9. Д. 225. Б/л.). Семипалатинские экспортеры жалуются на случаи задержки масла в Омске и ходатайствуют «об улучшении перевозки масла от пристаней на станции железной дороги» (РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 225. Л. 10). Таким образом, возвращаясь к началу статьи, когда отправляли четырех казахов в школу Верещагина, следует отметить, что ожидания Степного генерал-губернатора Колпаковского и Департамента земледелия и сельской промышленности (1866–1894) и самого Верещагина вполне оправдались. Технические навыки, культура маслоделия и сыроделия, высокие стандарты отрасли – все, что прививали в школе, со временем дали свои плоды. И в далекой окраине империи сформировалась и получила стремительное развитие новая отрасль – товарное маслоделие.

5. Заключение

История отправки четырех казахских стажеров в Едимоновскую школу молочного хозяйства Верещагина в Тверской области показывает, что Российская империя могла проявлять ситуативную гибкость, когда речь шла о достижении стратегических целей. А целью было в условиях глубокого кризиса сельского хозяйства использовать потенциал Сибири для насыщения внутреннего рынка и экспорта животноводческой продукцией. Данный проект по повышению продуктивности и созданию товарного скотоводства стал частью проекта интеграции Степного края в общеимперское пространство. К тому же, строительство Сибирской железной дороги открывало новые инфраструктурные возможности. Ситуативная гибкость, проявленная различными административными структурами по отношению всего лишь к четырем ученикам, наводит на размышления о том, как локальные решения встраивались в общеимперскую стратегию модернизации. Готовность выделять ресурсы, адаптировать процедуры и учитывать специфику конкретной ситуации свидетельствует о прагматичном характере имперской политики. В конце концов, затраченные административные и финансовые ресурсы оправдались, поскольку были разбужены экономические интересы – рынок, товар, прибыль, новые хозяйственные отношения. Все это оказалось более действенным инструментом интеграции региона, делало включение казахской степи в пространство империи более гладким и быстрым, чем административное принуждение или идеологические проекты.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «После контакта с имперскими структурами: История Степного края, 1822–1917 гг.» (ИРН AP23489947).

Литература

Бикина, 2014 – Бикина А.А. Маслоделие в Западной Сибири в начале XX века: факторы развития, роль Союза сибирских маслодельных артелей // *Исторический журнал: научные исследования*. 2014. № 3. С. 344-356.

Быков, 2023 – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация

- казахского общества (1731–1917 гг.). В 2-х тт. / Отв. ред. А. Ш. Кадырбаев. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. 466 + 444 с.
- Великая Сибирская..., 1901** – Великая Сибирская железная дорога / Всемирная выставка 1900 г. в Париже. СПб., 1901.
- Воробьев, 2019** – Воробьев Д.Н. Н.В. Верещагин и школа молочного хозяйства в селе Единоново // *Труды конференции*. Тверь, 2019. С. 4-49.
- Гасанова, 2024** – Гасанова Е.В. Причины создания профессиональных сельскохозяйственных образовательных учреждений в Степном крае в конце XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2024. № 5 (139). С. 20-26.
- Гермизеева, 2020** – Гермизеева В.В. Генерал-губернаторы Степного края (1882–1917) // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2020. Т. 5, № 2. С. 66-72.
- Дерюгина, 2020** – Дерюгина И.В. Экономическая история эволюции сельского хозяйства Казахстана на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 240-254.
- Китанина, 2012** – Китанина Т.М. Эволюция сельского хозяйства в конце XIX – начале XX века в свете модернизации российской экономики // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века*. СПб., 2012. С. 184-202.
- Книга, 2018** – Книга М.Д. Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.). Дисс. ... докт. истор. наук. Воронеж, 2018. 532 с.
- Книга, Быковская, 2021** – Книга М.Д., Быковская Г.А. Сельскохозяйственные школы Европейской России и их роль в повышении уровня аграрной культуры в период столыпинской реформы // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021. № 11 (13). С. 20-30.
- Книга, Фурсов, 2017** – Книга М.Д., Фурсов В.Н. Сельскохозяйственное просвещение в Российской империи: этапы становления // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2017. № 1 (274). С. 115-117.
- Николаев, 2016** – Николаев А.А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // *ЭКО*. 2016. № 6 (504). С. 36-49.
- Окраины России..., 1900** – Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России / Под ред. П.П. Семенова. СПб., 1900.
- Петриков, Вощикова, 2023** – Петриков А.В., Вощикова Н.К. Артельный проект Н.В. Верещагина и Вольное экономическое общество: история успеха // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. № 4. С. 384-410.
- Постикэ, 2023** – Постикэ Н.Б. Модернизация сельского хозяйства Российской империи XIX в. в официальных документах и публицистике // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023. № 1. С. 151-168.
- Рыгалова, 2020** – Рыгалова М.В. Формирование сети сельскохозяйственных учебных заведений на окраинных территориях Российской империи в 1880–1910 гг. // *Вестник Алтайского государственного института культуры*. 2020. № 4. С. 82-89.
- Семенов, 1900** – Семенов П.П. Степная киргизская окраина // *Окраины России*. СПб., 1900. С. 114-128.
- Сорока, 2009** – Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 189 с.
- Токмурзаев, 2016** – Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.
- Третьяков, 2015** – Третьяков А.В. Формирование системы сельскохозяйственного образования в России // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*. 2015. № 13. С. 103-110.
- Фризен, 2020** – Фризен Д.Я. Хозяйство казахов Уральской и Тургайской областей во второй половине XIX в. // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2020. Т. 7. № 4. С. 151-156.
- Шарапов, 1893** – Шарапов С.Ф. По русским хозяйствам: путевые письма из летней поездки 1892 года // *Новое время*. 1893. С. 43-65.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.
- Gillham, 2000** – Gillham B. *Case Study Research Methods*. London; New York, 2000. 114 p.
- Stake, 2003** – Stake R. *Case Studies // Strategies of Qualitative Inquiry*. Thousand Oaks, 2003. Pp. 134-164.
- Yin, 2009** – Yin R.K. *Case Study Research: Design and Methods*. London, 2009.
- Yin, 2013** – Yin R.K. *Validity and Generalization in Future Case Study Evaluations // Evaluation*. 2013. Vol. 12. No. 1. Pp. 219-245.

References

Bikina, 2014 – Bikina, A.A. (2014). *Maslodelie v Zapadnoj Sibiri v nachale XIX veka: faktory razvitiya*,

rol' Soyuza sibirskih maslodel'nyh artelej [Butter production in western Siberia in the early twentieth century: development factors, the role of the union of Siberian butter-making artels]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3: 344-356. [in Russian]

Bykov, 2023 – *Bykov, A.Yu.* (2023). Rossijskaya politika v Stepnyh oblastyah i transformaciya kazahskogo obshchestva (1731–1917 gg.). V 2-h tt. [Russian policy in the Steppe regions and the transformation of Kazakh society (1731–1917). In 2 volumes.]. Otv. red. A. Sh. Kadyrbaev. M.: Institut vostokovedeniya RAN. 466 + 444 p. [in Russian]

Deryugina, 2020 – *Deryugina, I.V.* (2020). Ekonomicheskaya istoriya evolyucii sel'skogo hozyajstva Kazahstana na rubezhe XIX–XX vv. [Economic history of the evolution of agriculture in Kazakhstan at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 1: 240-254. [in Russian]

Frizen, 2020 – *Frizen, D.Ya.* (2020). Hozyajstvo kazahov Ural'skoj i Turgajskoj oblastej vo vtoroj polovine XIX v. [Economy of the Kazakhs of the Ural and Turgai regions in the second half of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 7(4): 151-156. [in Russian]

Gasanova, 2024 – *Gasanova E.V.* Prichiny sozdaniya professional'nykh sel'skokhozyajstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii v Stepnom krae v kontse XIX v. [Reasons for the creation of professional agricultural educational institutions in the Steppe region at the late 19th century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(139): 20-26. [in Russian]

Germizeeva, 2020 – *Germizeeva, V.V.* (2020). General-gubernatory Stepnogo kraja (1882–1917) [Governors-General of the Steppe Region (1882–1917)]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»*. 5(2): 66-72. [in Russian]

Gillham, 2000 – *Gillham, B.* (2000). Case Study Research Methods. London; New York. 114 p.

Kitanina, 2012 – *Kitanina, T.M.* (2012). Evolyutsiya sel'skogo khozyajstva v kontse XIX – nachale XX veka v svete modernizatsii rossijskoj ekonomiki [The evolution of agriculture in the late 19th – early 20th centuries in light of the modernization of the Russian economy]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka*. SPb. Pp. 184-202. [in Russian]

Kniga, 2018 – *Kniga, M.D.* (2018). Stanovlenie i razvitie sistemy sel'skohozyajstvennogo prosveshcheniya v guberniyah Evropejskoj Rossii (90-e gody XIX v. – 1917 g.) [Formation and development of the agricultural education system in the provinces of European Russia (1890s – 1917)]. Diss. ... dokt. istor. nauk. Voronezh. 532 p. [in Russian]

Kniga, Bykovskaya, 2021 – *Kniga, M.D., Bykovskaya, G.A.* (2021). Sel'skohozyajstvennye shkoly Evropejskoj Rossii i ih rol' v povyshenii urovnya agrarnoj kul'tury v period stolypinskoj reformy [Agricultural schools of European Russia and their role in raising the level of agrarian culture during the Stolypin reform]. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 11(13): 20-30. [in Russian]

Kniga, Fursov, 2017 – *Kniga, M.D., Fursov, V.N.* (2017). Sel'skokhozyajstvennoe prosveshchenie v Rossijskoj imperii: etapy stanovleniya [Agricultural education in the Russian Empire: stages of development]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(274): 115-117. [in Russian]

Nikolaev, 2016 – *Nikolaev, A.A.* (2016). Kak Sibir' v nachale XIX v. okazalas' v centre mirovoj trgovli maslom [How Siberia found itself at the center of the global butter trade in the early twentieth century]. *EKO*. 6(504): 36-49. [in Russian]

Okrainy Rossii, 1900 – *Okrainy Rossii: Sibir', Turkestan, Kavkaz i polyarnaya chast' Evropejskoj Rossii* [The outskirts of Russia: Siberia, Turkestan, the Caucasus, and the Polar Part of European Russia]. Pod red. P.P. Semenova. SPb., 1900. [in Russian]

Petrikov, Voshchikova, 2023 – *Petrikov, A.V., Voshchikova, N.K.* (2023). Artel'nyj proekt N.V. Vereshchagina i Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo: istoriya uspekha [N.V. Vereshchagin's artel project and the Free economic society: a success story]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 4: 384-410. [in Russian]

Postike, 2023 – *Postike, N.B.* (2023). Modernizatsiya sel'skogo khozyajstva Rossijskoj imperii XIX v. v ofitsial'nykh dokumentakh i publitsistike [Modernization of agriculture in the Russian Empire in the 19th century in official documents and journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 1: 151-168. [in Russian]

Rygalova, 2020 – *Rygalova, M.V.* (2020). Formirovanie seti sel'skohozyajstvennykh uchebnykh zavedenij na okrainnyh territoriyah Rossijskoj imperii v 1880–1910 gg. [Formation of a network of agricultural educational institutions in the outlying territories of the Russian Empire in the 1880s–1910s]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4: 82-89. [in Russian]

Semenov, 1900 – *Semenov, P.P.* (1900). Stepnaya kirgizskaya okraina [Steppe Kyrgyz outskirts]. *Okrainy Rossii*. SPb. Pp. 114-128. [in Russian]

Sharapov, 1893 – *Sharapov, S.F.* (1893). Po russkim hozyajstvam: putevye pis'ma iz letnej poezdki 1892 goda [Across Russian farms: travel letters from a summer trip of 1892]. *Novoe vremya*. Pp. 43-65. [in Russian]

Soroka, 2009 – *Soroka, N.N.* (2009). Krest'yanskie pereseleniya i ih vliyanie na ekonomiku kazahskogo kochevogo aula [Peasant migration and their impact on the economy of a Kazakh Nomadic Aul]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk. 189 p. [in Russian]

- Stake, 2003** – Stake, R. (2003). Case Studies. Strategies of Qualitative Inquiry. Thousand Oaks. Pp. 134-164.
- Tokmurzaev, 2016** – Tokmurzaev, B.S. (2016). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya [Agrarian colonization of the Steppe region]. Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk. 252 p. [in Russian]
- Tret'yakov, 2015** – Tret'yakov, A.V. (2015). Formirovanie sistemy sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v Rossii [Formation of the agricultural education system in Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*. 13: 103-110. [in Russian]
- Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga, 1901** – Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga [The Great Siberian railway]. Vsemirnaya vystavka 1900 g. v Parizhe. SPb., 1901. [in Russian]
- Vorob'ev, 2019** – Vorob'ev, D.N. (2019). N.V. Vereshchagin i shkola molochnogo hozyajstva v sele Edimonovo [N.V. Vereshchagin and the dairy farming school in the Village of Yedimonovo]. *Trudy konferencii. Tver'*. Pp. 4-49. [in Russian]
- Yin, 2009** – Yin, R.K. (2009). Case Study Research: Design and Methods. London.
- Yin, 2013** – Yin, R.K. (2013). Validity and Generalization in Future Case Study Evaluations. *Evaluation*. 12(1): 219-245.

На пути к товарному маслоделению: ситуативная гибкость бюрократии и казахи в Едимоновской школе, 1890-е годы

Эльмира Т. Телеуова ^{a, *}, Жанат Б. Кундакбаева ^a

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье на основе делопроизводственных документов Министерства земледелия Российской империи (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация) анализируются механизмы экономической интеграции Степного края в общеимперское рыночное пространство. Исследование строится вокруг одного кейса: примера удивительной заботы представителей власти к индивидуальным нуждам казахов-стажеров Едимоновской школы молочного хозяйства в Тверской области. Они не только дали им стипендию для обучения сыроварению и маслоделению в «очаге аграрной модернизации России», но даже выделили дополнительную сумму на питание. В итоге целый год казахи питались по индивидуальному рациону. В статье инструментальный кейс о ситуативной гибкости бюрократии используется не ради описания, а для пересмотра обобщений предыдущей историографии. Кроме того, исследование вписывает Степной край в более широкий контекст – проект модернизации сельского хозяйства и преодоление аграрного кризиса конца XIX в. В статье сделан вывод о том, что на пути к реализации стратегической цели имперская бюрократия придавала сельскохозяйственному образованию статус механизма модернизации и проявляла ситуативную гибкость в местных реалиях. А целью было вписать скотоводство Сибири (Степной край как часть сибирской окраины) в общероссийский рынок, внедрить интенсивные методы, создать товарное животноводство и интегрировать отдаленный регион в общеимперское пространство. Исследование вносит вклад в историографию империй, смещая акцент с упрощенной дихотомии «эксплуатация vs. цивилизаторская миссия» к более сложной модели: прагматичного инвестирования для повышения экономической эффективности окраин. Наконец, статья вносит вклад в дебаты о гибкости и адаптивности имперского управления.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край как часть сибирской окраины, интеграция в общеимперское экономическое пространство, ситуативная гибкость бюрократии, товарное маслоделие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elmiradesebai@gmail.com (Э.Т. Телеуова), zhkundakbayeva@gmail.com (Ж.Б. Кундакбаева)